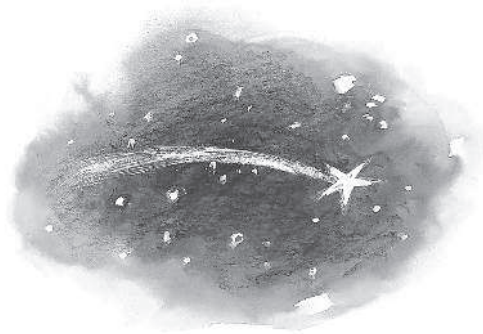

Эту книгу я посвящаю светлой памяти
Самуила Яковлевича Маршака,
моего брата, моего друга, моего учителя

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

История этой короткой жизни не выдумана. Девушку, о которой написана эта книга, я знала еще тогда, когда она была ребенком, знала ее также школьницей-пионеркой, комсомолкой. Мне приходилось встречать Гулю Королёву и в дни Отечественной войны. А то в ее жизни, чего мне не удалось увидеть самой, восполнили рассказы ее родителей, учителей, подруг, вожатых. О ее жизни на фронте рассказали мне ее боевые товарищи.

Мне посчастливилось также читать ее письма, начиная с самых ранних — на линованных страницах школьной тетрадки — и кончая последними, написанными наскоро на листках блокнота в перерывах между боями.

Все это помогло мне узнать, как бы увидеть своими глазами всю Гулину яркую и напряженную жизнь, представить себе не только то, что она говорила и делала, но также и то, что она думала и чувствовала.

Я буду рада, если для тех, кто узнает Гулю Королёву по страницам этой книги, она станет — хотя бы отчасти — такой же близкой, какой она была для тех, кто узнал и полюбил ее в жизни.

Елена Ильина
1945 г.

ОГОНЕК

— **Н**Е УХОДИ, — СКАЗАЛА ГУЛЯ. — МНЕ
темно.

Мама наклонилась над сеткой кровати:

— Темнота, Гуленька, совсем не страшна.

— Да ведь ничего же не видно!

— Это только сначала ничего не видно. А потом ты увидишь такие хорошие сны!

Мама укрыла дочку потеплее. Но Гуля снова подняла голову. Девочка смотрела на окно, которое едва светилось от уличных фонарей сквозь синюю штору.

— А тот огонек горит?

— Горит. Спи.

— Покажи мне его.

Мама взяла Гулю на руки, поднесла к окну.

Напротив, над стенами Кремля, реял флаг. Он был освещен снизу и трепетал как пламя. Этот флаг маленькая Гуля и называла «огоньком».

— Видишь, горит огонек, — сказала мама. — Он и всегда будет гореть, Гулюшка. Никогда не погаснет.

Гуля положила голову на плечо матери и молча смотрела на пламя, трепещущее в темном небе.

Мама унесла Гулю в кроватку.

— А теперь спи.

И она вышла из комнаты, оставив девочку одну в темноте.

ТРЕХЛЕТНЯЯ АРТИСТКА

ГУЛЕЙ ПРОЗВАЛИ ЕЕ, КОГДА ЕЙ НЕ БЫЛО еще и года. Лежа в кроватке, она улыбалась всем, и целый день в комнате только и слышалось:

— Гу-гу...

От этого гортанного голубинового воркованья и пошло имя: Гуленька, Гулюшка. И никто уже не вспоминал, что настоящее имя Гули — Марионелла.

Одним из первых слов, которые сказала Гуля, было слово «сама». Когда ее в первый раз спустили на пол, она вырвала руку, закричала:

— Сама! — покачнулась и пошла. Она сделала шаг, другой и шлепнулась вниз лицом. Мама взяла

ее на руки, но Гуля сползла на пол и, упрямо пере-дернув плечами, снова затопала. Ее несло все дальше и дальше, из одной комнаты в другую, и мать едва поспевала за ней.

Гуля росла. Все увереннее топали ее ножки по комнатам, коридору и кухне, все шумней становилось в квартире, все больше разбивалось чашек и тарелок.

— Ну, Зоя Михайловна, — говорила Гулиной матери няня, приводя Гулю домой с прогулки, — много вынянчила я ребят, а такого ребенка сроду не видала. Огонь, а не ребенок. Сладу никакого нет. Как сядет на санки, так и не снимешь с них. Десять раз с горки скатится, и все ей мало. «Еще, кричит, еще!» А ведь санки-то у нас не свои. Сколько слез, сколько крику, спору! Не приведи бог такого ребенка нянчить!

Гулю отдали в детский сад.

В детском саду Гуля присмирела. Дома, бывало, она ни минуты не посидит спокойно, а здесь она целыми часами сидела тихо, молча и лепила что-нибудь из пластилина, для которого придумала более короткое название — лепин.

Ей нравилось также строить на полу из кубиков разные дома и башни. И плохо приходилось тем ребятам, которые осмеливались разрушить ее сооружение. Вся красная от обиды, она вскакивала и награждала своего сверстника такими тумачками, что он поднимал рев на весь детский сад.

Но все же ребята любили Гулю и скучали, если она не приходила в детский сад.

— Она хоть и драчливая, а зато с ней играть здорово, — говорили мальчишки. — Она придумывать умеет.

Гулина мать работала в то время на кинофабрике. И режиссеры, бывая у Королёвых, говорили, глядя на Гулю:

— Вот бы нам Гульку в кино!

Им нравилась резвая веселость Гули, лукавый свет ее серых глаз, ее необыкновенная живость.

И однажды мама сказала Гуле:

— Ты сегодня в детский сад не пойдешь. Мы с тобой поедem смотреть рыбок и птиц.

В этот день все было не так, как всегда. К подъезду подкатил автомобиль. Гуля уселась рядом с мамой. Приехали они на какую-то площадь, где толпилось столько народу, что нельзя было ни проехать, ни пройти. Отовсюду слышался разноголосый петушиный крик, хлопотливое кудахтанье кур. Где-то важно гоготали гуси и, стараясь всех перекричать, что-то быстро лопотали индюки.

Пробиваясь сквозь толпу, мать взяла Гулю за руку.

На земле и на лотках стояли клетки с птицей и садки с живой рыбой. В воде медленно плавали большие сонные рыбы и проворно сновали вверх и вниз маленькие золотые рыбки с прозрачными, развевающимися, будто кружевными, хвостами.

— Ой, мама, что это? — вскрикнула Гуля. — Водяные птички!

Но в это время какой-то незнакомый широкоплечий человек в кожаной куртке подошел к Гуле и, кивнув ее маме, взял Гулю на руки.

— Я тебе сейчас что-то покажу, — сказал он ей и куда-то ее понес.

Гуля оглянулась на маму. Она думала, что мама отнимет ее у «кожаного дяди», но мама только помахала ей рукой.

— Ничего, Гуленька, не бойся.

Гуля и не думала бояться. Только ей не нравилось сидеть на руках у чужого, незнакомого человека.

— Я сама пойду, — сказала Гуля, — пустите меня.

— Сейчас, сейчас, — ответил он, поднес ее к стеклянному ящику и спустил на землю.

Там, в зеленой густой траве, копошились какие-то длинные, толстые веревки. Это были ужи. Гуля недолго думая вцепилась в одного из них и потащила.

— Ну и храбрая же ты девочка! — услышала Гуля над собой голос «кожаного дяди».

Трехлетняя Гуля и не подозревала, что этот дядя был кинооператор и что ее только что сняли для новой кинокартины.

В те годы на Трубной площади каждое воскресенье торговали всякой живностью. Любители птиц, рыб, диковинных зверушек всегда могли выбрать здесь по своему вкусу и певучую канарейку, и щегла, и дрозда, и породистого охотничьего щенка, и черепаху, и даже заморского попугая.

Кинооператору привезли Гулю на Трубную площадь, потому что в этот день они снимали картину «Каштанка» по рассказу Чехова. В картине этой собака Каштанка попадает на Трубный торг и теряет своего хозяина в толпе взрослых и детей.

Спустя несколько дней Гуле Королёвой прислали из кинофабрики ее первый заработок — два рубля.

Один рубль был истрачен в тот же день. Дома случайно не было денег, и Гулин рубль как раз пригодился на лекарство для самой же Гули.

Другой рубль — большой, новенький, желтого цвета — хранится до сих пор у Гулиной матери. Он спрятан в коробочке рядом с льняной шелковистой прядкой Гулиных младенческих волос.

СЛОН И ГУЛЯ

ГУЛЮ ВЗЯЛИ В ЗООПАРК.

Она шла вместе с мамой по усыпанной песком дорожке мимо длинного ряда клеток с какими-то толсторогими козлами, баранами и бородатыми быками. Возле высокой железной ограды они остановились. Гуля увидела за решеткой что-то огромное, клыкастое, с длинным, до земли, носом.

— У, какой! — вскрикнула Гуля, прижимаясь к матери. — Мама, почему он такой большой?

— Такой вырос.

— А я его боюсь?

— Нет, не боишься.

— А кто он такой?

— Слон. Он добрый, и бояться его не надо. У себя дома он даже нянчит маленьких детей.

— Возьми его ко мне в няньки! — сказала Гуля.

— Его отсюда не отпустят, — ответила мама, смеясь. — Да и места для него у нас маловато.

Целый год после этого Гуля вспоминала большого доброго слона.

И когда наконец ее опять привели в зоопарк, она прежде всего потащила маму к слону.

Держа в руках большой красно-синий мяч, она подошла к самой решетке.

— С добрым утром, слон! — вежливо поздоровалась Гуля. — Я вас помню. А вы меня?

Слон ничего не ответил, но наклонил свою большую, умную голову.

— Помнит, — сказала Гуля.

Мама вытащила из сумочки гривенник.

— Смотри, Гуля, — сказала она, — я брошу ему монетку.

Слон пошарил по земле хоботом, поднял монетку, словно кончиками пальцев, и сунул сторожу в карман. А потом схватил сторожа за воротник и потянул за собой. Сторож не мог устоять на ногах и побежал вприпрыжку, как мальчик. Гуля громко смеялась. Смеялись и другие ребята, столпившиеся у решетки.

— Мама, куда слон его тащит? — спросила Гуля.

— Это он требует от сторожа чего-нибудь вкусного. Ступай, говорит, принеси. Даром я тебе свою монету отдал, что ли?

Сторож послушно ушел в соседнее помещение, где была кладовая слона, а слон зашагал не спеша, мягко, неслышно, будто он был в валенках.

— Мама, слон булку любит? Можно ему бросить?

Гуля бросила слону булку. Слон задрал кверху хобот, нижняя челюсть у него отвисла, и булка угодила прямо в пасть.

И тут Гуля увидела, что мяч выскользнул у нее из рук и покатился под решетку к слону.

— Мячик! — закричала Гуля. — Слон, отдай, пожалуйста, мяч!

Слон хлопнул ушами и, зажав мяч хоботом, словно в кулаке, посмотрел на Гулю искоса умным маленьким глазком.

— Ну вот, — сказала Гулина мама, — так я и знала. Говорила я тебе — оставь мячик дома!

Но в эту минуту слон выпустил мяч, и он покатился по земле, стукнулся о решетку и откатился назад, к самым его ногам.

— Погоди, Гуля, — сказала мама, — сторож сейчас вернется и достанет твой мячик.

Но Гули рядом с ней уже не было. Мать быстро огляделась по сторонам.

— Где же это она?

— Ребенок, ребенок в слоновнике! — закричали вокруг.